

“ЛУЧШЕ БЫТЬ ВИНОВАТЫМ, НО ЧЕСТНЫМ”

Тюленев И. Н. Альфа и Омега на цепи. Избранное. — М.: Голос-Пресс, 2008. — 464 с. Тираж 1000 экз.

В избранной книге стихов пермяка Игоря Тюленева “Альфа и Омега на цепи”, как в большом лесу, есть всё — и хорошее, и плохое.

Поскольку мы, русские писатели, хорошим вообще не избалованы, начну с плохого. Ну, во-первых, мне активно не понравилось название. Что оно означает? На какой цепи сидят тюленевские Альфа и Омега? И почему?

Оказывается, перед нами — перефразированные строки из стихотворения, открывающего книгу:

*Одна властительница степь —
Ни кустика, ни человека,
Как будто Альфа и Омега
Вот здесь посажены на цепь.*

Не скрою, более понятным, чем “А и Б сидели на трубе”, эта метафора название книги для меня не сделала. “Альфа и Омега” сами по себе являются онтологическим символом, так зачем же еще сажать их на цепь? Я, конечно, не поэт, а прозаик, но предпочел бы взять название из другой строфы этого стихотворения:

*Над степью пролетит орёл,
За горизонтом приземлится...
Какой же на Руси простор:
Всё пропадает — взгляд и птица.*

По-моему, “Всё пропадает — взгляд и птица” — название получше “Альфы и Омegi на цепи”. А еще лучше — просто “Взгляд и птица”.

Во-вторых, есть в любовной лирике Тюленева некое гипертрофированное ухарство и молодечество, более уместное в рассказах собутельникам о своих амурных похождениях, нежели в стихах:

*Как поршень в цилиндре, как в горле “беретта”,
Останусь в тебе до окраски востока.
Сердца наши громче стрельбы из мушкета,
А проводница страшнее бульдога.*

(“Четвертый вагон”)

“Беретта”, как я понимаю, это автоматический пистолет, причем довольно больших размеров. Засунуть его ствол в рот человеку и держать “до окраски востока” никак не получится — человека стошнит. Такова, извините, физиология. И любой, кто знаком с ней, не сможет разделить любовный восторг лирического героя Тюленева. Не могу также оценить метафору с мушкетом, потому что никогда не слышал стрельбы из этого оружия. И Тюленев, я подозреваю, тоже. Понятно, конечно, что мушкет стрелял громко. Но громко стреляло любое старинное оружие — аркебуза, например. Получается, что “стрельба из мушкета” была нужна автору исключительно для рифмы с “береттой”, засунутой какому-то несчастному в горло.

Другой пример:

*Как Святогор, сто раз подряд
В щель гробовую брошу семя.
Кто может круче написать?
Пускай напишет... если сможет.
У президента меньше власть,
Чем у разжатых женских ножек.*

(“Любовь с похмелья”)

Кто же может “круче написать”? Ответ прост: вероятно, тот, кто напишет, что Святогор “в щель гробовую бросил семя” двести или триста раз подряд. . .

Ну и, в-третьих, не очень-то удачным, мягко говоря, выглядит соседство подобных стихов Тюленева со стихотворениями “Свято-Введенский Толгский женский монастырь”, “Троица”, “Да, мы подобье, Господи, Твое!..”, “Всё дальше от тропы Господней...”, “Храм Покрова”, “Иордан”, “Вербное воскресенье”, “Серафим Саровский”. Может ли вообще объединена под одной обложкой любовная и духовная лирика? Примеров тому сколько угодно — в том числе и у классиков. Но стихи у них обычно со вкусом распределены по тематическим или хронологическим циклам. А у Тюленева всё идет в один подбор — от первой страницы до последней. Эта мешанина и эклектика навели меня на мысль, что избранные книги стихотворений после советских времён составлять разучились — и сами авторы, и их редакторы.

Да и, признаюсь, не воспринимается эта книга как избранное. Например, поездке поэта во Францию (судя по всему, недавней) посвящено аж 22 стихотворения, а в настоящем, полноценном избранном можно было бы, по совести говоря, и вовсе обойтись без них, потому что все они не очень удачные (я так и не понял, например, образ на с. 268 — “сравнил ботинок своей гондоном”), хотя и проиллюстрированы неплохими рисунками автора. Наверное, поэту, побывавшему в Париже, трудно удержаться от того, чтобы не написать об этом стихи, но следует помнить, что съездить в Париж нынче не такая уж проблема, как, скажем, в советские времена, поэтому о Франции нужно писать что-нибудь более существенное, чем просто туристические впечатления.

Покончив с плохим, с удовольствием перехожу к хорошему. У каждого поэта есть запас бесценных впечатлений, которые делают его творчество неповторимым — а лучше или хуже, чем у других поэтов, в данном случае не так уж и важно. Мы не на соревнованиях! Есть такое впечатление и у Тюленева, и это впечатление не парижское.

*Лесной поселок. В окнах Кама.
И у завалинки втроем —
Отец с сестрёнкой, рядом мама,
А я сбежал за окоём.*

*Вернуться в круг бывлой стараюсь,
Скользя по жизненному льду...
И всё же, сколько ни пытаюсь,
В тот объектив не попаду.*

(“Фотография”)

Поэзия там, куда сбегал будущий поэт, — за окоёмом видимого мира, и вот когда он извлекает впечатления оттуда, из недостижимого жизненного Зазеркалья, и рождаются настоящие стихи.

*Целовались мы за лесопилкой
В прошлом веке на закате дня.
Твоя шея с тоненькою жилкой
Безрассудным сделала меня.*

*А потом мы воду из колодца
Пили, оглушенно хохоча!
В прошлом веке догорало солнце
С треском, как бенгальская свеча.*

*Если б я тебя любил, к примеру,
Сразу потускнели б наши дни.
Не вздыхай — я женщинам не верю,
Потому что женщины они.*

(“Лесопилка”)

Кто-то скажет, что стихи эти простоваты. Зато в них живет подлинное чувство. Я, безусловно, предпочту их тюленевскому Святогору, по-богатырски “сто раз подряд бросившему семья”. Тем более что творческие удачи Тюленева связаны не только с миром городских окраин, где “вечер тихой песнею над рекой плывет”. Он ученик Юрия Кузнецова, и в лучших стихах — например, в “Беседке Бярятинского в Гунибе. 1859 г.” — умело применяет метод учителя.

*Вот здесь Бярятинский сидел,
Курил ореховую трубку,
И дым, похожий на голубку,
Летел в неведомый предел.*

Этот дым от трубки победителя Шамиля превращается в конце стихотворения, по классическому закону “возрастания метафоры”, в небесную дымку над Россией, в “мировой эфир”:

*По склонам гор течёт эфир
Прозрачной голубой лавиной,
Над Родиной необозримой
Из дыма ткётся хрупкий мир.*

Тюленев научился у Кузнецова и искусству поэтической притчи. Особенно ярко это проявилось в стихотворении “Вина”:

*Сколько быть без вины виноватым?
Отыщу за сараем лопату,
Закопаю вино глубоко...
— Повинись! — мне кричат фарисеи,
Вторят им всех времен лицедеи...
Закопал, но не стало легко.
— Откажись от великой идеи,
Отрекись от великой Расеи... —
Этот гомон зашел далеко.*

*Лучше быть виноватым,
Но честным,
Взял лопату,
А место известно.
Откопал...
А там нет ничего.*

А ведь так оно и было еще в недавние времена: “Откажись от великой идеи, Отрекись от великой Расеи...”! Мы, очевидно, “виноваты” одним тем уже, что существуем. На самом же деле мы не только ни в чем не виноваты, мы держим на своих плечах весь мир, а мир, по стародавнему ветхому закону, призывает нас за это распять. Философ, публицист испишут на эту тему десятки страниц, а поэт воскликнет: “Да пропадите!.. Не отрекусь! Лучше быть виноватым, но честным!”

И действительно – кому надо искать вину, пусть тот ее и ищет. Плевать на вас! А мы будем искать правду, как искали ее искони. “На свете нет лекарств противу клеветы, // Нам надо честно жить и презирать злословье”, – как писал в “Тартюфе” Мольер.

Мне нравится эта черта в Тюленеве-поэте и Тюленеве-человеке – здорового презренья к злословью врагов. Ему неведом плебейский, рабский комплекс вины перед “клеветниками России”. И впрямь: вы нам, господа нехорошие, не суд и не прокуроры, а стало быть, мы не нуждаемся и в адвокатах.

*Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали...*

Этого пушкинского миропонимания так не хватает многим “плачущим” поэтам-патриотам! У Тюленева оно есть. Его пафос – пафос русской победы. И будет жаль, если он разменяет его на поэтическую решительность другого рода, – когда сравнивается “ботинок с гондоном”, а похмельный герой постельных сражений – со Святогором. “Это тебе надо оставить”, – как сказал в моем присутствии Игорю Тюленеву один литературовед. И добавлю – оставить как можно скорей. Крупный поэт идет от чувственности к высокому чувству любви, а если он вместо этого, презрев почтенные лета, продолжает пасть на лужайках сладострастья – это его поражение.

Андрей Воронцов